данном случае целесообразно поддержать предложение, несколько раз прозвучавшее на Саммите, о создании при ООН международной организации духовных лидеров, предназначенной для налаживания диалога между представителями конфессий и политическими деятелями. По словам иерарха, весьма вероятно, что религиозные организации стран, председательствующих в “Большой восьмерке”, поддержат и продолжат инициативу России. Председатель Совета Евангелической Церкви Германии епископ Вольфганг Хубер, чья страна примет председательство в “Восьмерке” после России в 2007 году, заявил, что серьезно подумает на эту тему.

Состоявшийся Форум по всеобщему признанию явился уникальной возможностью для глав крупнейших религиозных общин мира высказать

свое мнение и выработать некую единую позицию по важнейшим проблемам современности.

© О.С. Королева

ВИЗАНТИЙСКИЙ ИДЕАЛ «СИМФОНИИ» ДВУХ ВЛАСТЕЙ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Формы взаимоотношений между Церковью и государством всегда, начиная с древнейших времен, занимали значительное место в творениях Святых отцов и Учителей Церкви. В то же время с момента начала христианизации языческой государственности сама власть стремилась внести христианское начало в юридические установления. В связи с этим становится ясно, что идеал «симфонических» отношений между Церковью и государством, провозглашенный императором Юстинианом (527–565), явился плодом многовекового движения Церкви и государства навстречу друг другу. Этот идеал, искомый, но часто недостижимый, оказал огромное влияние на формирование юридической культуры и социального мировоззрения христианской части человечества.

Взаимоотношения Церкви и государства развивались в контексте истории, в ходе изменений самого государства. Развивая учение Христа о правильном отношении к государственной власти, апостол Павел писал: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога. Существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее, ибо *начальник* есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из *страха* наказания, но и по совести. Для сего вы и подати платите, ибо они – Божии служители, сим самым постоянно занятые. Итак отдавайте всякому должное: кому по́дать, по́дать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь» (Рим. 13,1–7).

Ту же мысль выразил и апостол Петр: «Итак будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, – ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей, – как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии» (1 Пет. 2, 13–16). Апостолы учили христиан повиноваться властям независимо от их отношения к Церкви. В апостольский век Церковь Христова была гонима и местной иудейской властью, и государственной римской. Это не мешало мученикам и другим христианам возносить молитвы за гонителей и признавать их власть.

Государство как необходимый элемент жизни в поврежденном грехом мире, где личность и общество нуждаются в ограждении от опасных проявлений греха, благословляется Богом. В то же время необходимость государства вытекает не непосредственно из воли Божией о первозданном Адаме, но из последствий грехопадения и господства греха в мире. Господь призывает власть имущих использовать силу государства для ограничения зла и поддержки добра, в чем и видится смысл, в том числе и нравственный, существования государства (Рим. 13, 3–4). Исходя из вышесказанного, анархия – отсутствие надлежащего устроения государства и общества, – а

равно призывы к ней и попытка ее установления противоречат христианскому миропониманию (Рим. 13, 2).

Церковь предписывает своим чадам не только повиноваться государственной власти независимо от убеждений и вероисповедания ее носителей, но и молиться за нее, «дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте» (1 Тим. 2, 2)[1].

Нет ничего более неправильного, чем следовать социалистической концепции отрицания первохристианскими общинами основ римской государственности. При всей языческой окрашенности римской власти Церковь никогда не восставала против государства как такового, четко различая природу Церкви и государства и не позволяя себе смешивать их, что было неведомо языческому Риму, где император был одновременно «Pontifex Maximus». Из этого разделения природы Церкви и государства и понимания онтологической несводимости их к одному началу берет свой исток учение о «симфонии» властей.

Принцип различения природы Церкви и государства, из которого вытекает и различение целей и задач, стоящих перед ними, гласит, что Церковь основана непосредственно Иисусом Христом, богоустановленность же государственной власти опосредована историческим процессом. Целью Церкви является вечное спасение людей, цель государства заключается в их земном благополучии.

«Царство Мое не от мира сего», – говорит Спаситель (Ин.18, 36). «Сей мир» отчасти повинуется Богу, отчасти же автономизирует себя от своего Творца и Господа. Поэтому, в определенном смысле, он – не Его Царство. В той степени, в какой мир не подчиняется Богу, он подчиняется «отцу лжи», сатане, и «во зле лежит» (Ин. 8, 44; 1 Ин. 5, 19). Церковь же – «тело Христово» (1 Кор. 12, 27), «столп и утверждение истины» (1 Тим. 3, 15) – в своей таинственной сущности не может иметь в себе ни зла, ни порока.

Там, где государство сознает себя как религиозное установление или стремится быть таковым, оно ищет церковного руководства, как и верующий человек – руководства духовного отца. В современном мире государство обычно является светским и не связывает себя какими-либо религиозными обязательствами. Его взаимодействие с Церковью в этом случае ограничено

[1] Русская Православная Церковь и право. М.,1999. С. 25–26.

рядом областей, основано на взаимном невмешательстве в дела. Однако, как правило, государство осознает, что земное благоденствие немыслимо без соблюдения определенных нравственных норм, которые потребны и для спасения человека в вечности. В этом смысле задачи и деятельность Церкви и государства могут совпадать не только в смысле чисто земной пользы, но и исходя из целей спасительной миссии Церкви.

В свете вышесказанного Церковь не должна брать на себя функции, принадлежащие государству: противостояние греху путем насилия, использование мирских властных полномочий, принятие на себя функций государственной власти, предполагающих принуждение или ограничение. В то же время Церковь может обращаться к государственной власти с просьбой или призывом употребить власть в тех или иных случаях, однако право авторитетного решения этого вопроса остается за государством.

Государство не должно вмешиваться в духовную жизнь Церкви, в ее вероучение, литургическую жизнь и духовническую практику, равно как и вообще в деятельность канонических церковных учреждений, за исключением тех ее сторон, которые предполагают деятельность в качестве юридического лица, неизбежно вступающего в соответствующие отношения с государством, его законодательством и властными органами. Церковь вправе ожидать от государства уважения к ее каноническим нормам и иным внутренним управлениям[1].

Библейское богословие доносит мысль вневременности и богочеловечности Церкви и исторической обусловленности возникновения государства. Церковь – не от мира сего, так же, как ее Господь – Христос – не от мира сего. Но Он пришел в этот мир, «смирив» Себя до его условий, в мир, который надлежало Ему спасти и восстановить. Церковь должна пройти через процесс исторического *кенозиса*, осуществляя свою искупительную миссию. Ее целью является не только спасение людей в этом мире, но также спасение и восстановление самого мира. Церковь призвана действовать в мире по образу Христа, свидетельствовать о Нем и Его Царстве. Члены Церкви призваны приобщаться миссии Христовой, Его служению миру, которое возможно для Церкви лишь как служение соборное, «да уверует мир» (Ин. 17, 21). Церковь призвана служить спасению мира, ибо и Сам Сын

[1] Русская Православная Церковь и право. С. 27.

Человеческий «не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мк. 10, 45) [1].

Ветхозаветные книги рассказывают о том, как единственная в истории человечества подлинная теократия древних евреев по мере удаления общества от послушания Богу как устроителю мирских дел начинает сменяться властью земного властителя – монарха.

Господь, принимая выбор людей и санкционируя новую форму правления, в то же время сожалеет об оставлении ими богоправления: «И сказал Господь Самуилу: послушай голоса народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтобы Я не царствовал над ними... итак, послушай голоса их; только представь им и объяви им права царя, который будет царствовать над ними» (1 Цар. 8, 7,9).

Таким образом, возникновение земного государства должно быть понимаемо не как изначально богоустановленная реальность, но как предоставление Богом людям возможности устраивать свою общественную жизнь, исходя из их свободного волеизъявления, с тем, чтобы такое устроение, являющееся ответом на искаженную грехом земную реальность, помогало избежать еще большего греха через противодействие ему средствами мирской, но просвещенной Богом власти.

Господь устами Самуила ясно говорит, что ожидает от этой власти верности Его заповедям и творения добрых дел: «Итак, вот царь, которого вы избрали, которого вы требовали: вот, Господь поставил над вами царя. Если будете бояться Господа и служить Ему и слушать глас Его, и не станете противиться повелениям Господа, то и будете и вы и царь ваш, который царствует над вами, *ходить* вслед Господа, Бога вашего... а если не будете слушать гласа Господа и станете противиться повелениям Господа, то рука Господа будет против вас». (1 Цар. 12, 13–15). Когда Саул преступил заповеди Господни, Бог отверг его (1 Цар. 16, 1), велев Самуилу помазать на царство другого избранника Своего – Давида, сына простолюдина Иессея.

Эпохой, когда «симфонические» отношения были не только теоретически разработаны, – была попытка установления церковно-

[1] Цит. по: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000. С. 4.

государственных отношений в соответствии с этим идеалом, стало время расцвета Ромейской империи – Византии.

В Византии на протяжении IV – IX вв. были выработаны основные принципы церковно-государственных отношений, зафиксированные в канонах и государственных законах империи и нашедшие отражение в святоотеческих писаниях. В своей совокупности эти принципы получили название *симфонии Церкви и государства*. Суть «симфонии» составляют обоюдное сотрудничество, взаимная поддержка и взаимная ответственность, без вторжения одной стороны в сферу исключительной компетенции другой. «Епископ подчиняется государственной власти, как подданный государству, а не потому, чтобы епископская власть его исходила от представителя государственной власти; точно так же и представитель государственной власти повинуется епископу, как член Церкви, как грешный человек, ищущий спасения от Церкви, а не потому, чтобы власть его происходила от власти епископа»[1], – утверждает церковное право. Государство при «симфонических» отношениях с Церковью ищет у нее моральной, духовной поддержки, молитвы за себя и благословения на деятельность, направленную на достижение благополучия граждан, а Церковь получает от государства помощь в создании условий, благоприятных для благовествования и духовного окормления своих чад, являющихся одновременно гражданами государства.

Отцы Карфагенского собора в 104 (93)-м каноне выразили мысль о том, что благочестивые носители государственной власти призваны быть защитниками Кафолической Церкви: «*Царскому человеколюбию предлежит попещися, чтобы Кафолическая Церковь, благочестною утробою Христу их родившая, и крепостию веры воспитавшая, была ограждена их промышлением; дабы в благочестивыя их времена, дерзновенные человеки не возгосподствовали над безсильным народом, посредством некоего страха, когда не могут совратити оный посредством убеждения*»[2].

Церкви не возбраняется обращаться с просьбой о защите от чинящих насилие над ее членами, над ее храмами ко всякой законной государственной власти независимо от ее отношения к Церкви, тем более к власти, которая

---

[1] *Цыпин В.А.* Церковное право. М.,1996. С. 418.

[2] Книга правил святых Апостол, святых Собор Вселенских и Поместных и Святых отец. Серг. Посад, 1992. С. 124–125.

состоит в «симфонических» отношениях с Церковью. В критические моменты православные византийские императоры неизменно вступались в защиту Церкви. Императоры Феодосий II и Валентиниан III писали епископам Александрийской Церкви, когда во главе со святым Кириллом боролись за чистоту православия против несторианской ереси: «Состояние нашего государства зависит от благочестия, так как между ними много общего и родственного. Они поддерживают одно другое и преуспевают одно преуспеянием другого, так что истинная вера светит правдою, а государство процветает, когда соединяет в себе и то, и другое. И мы, как государи, поставленные Богом быть защитниками благочестия и счастья наших подданных, всегда стараемся сохранить связь между ними нераздельною, служа Промыслу Божию и людям, именно мы служим Промыслу, когда заботимся о преуспеянии государства и, предавшись всецело попечению о подданных, направляем их к благочестивой вере и жизни, достойной верующих, и прилагаем должное старание о том и другом. *Ибо невозможно, чтобы тот, кто заботится об одном (государстве), не думал также и о другом (Церкви)»*[1].

При императоре Юстиниане[2] произошло существенное изменение правовой основы взаимоотношений Церкви и государства. Юстиниан Великий фактически обобщил идеи, которые на протяжении почти 220 лет высказывались многими его предшественниками в отношении церковной политики, и выразил их в законодательстве. Было установлено, что право проповедовать учение веры принадлежит одной Церкви. Одновременно императорская власть стремилась поднять государство до высоты церковных идеалов, ввести в гражданское законодательство нормы законодательства церковного. Государственная власть, свято охраняя неприкосновенность церковного канона, стала придавать постановлениям церковной власти значение государственных законов. По законодательству Юстиниана, то, что запрещалось постановлениями церковной власти, не дозволялось и государственными законами. «Догматические определения Вселенских

[1] Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, еп. Далматинско-Истрийского: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 681.

[2] Основные юридические сборники юстиниановой эпохи – Кодекс, Дигесты, Институции, Новеллы – легли в основу права Византии, а через нее и Древней Руси, оказав огромное влияние на весь христианский мир. С XII в., взятые вместе, они именовались Corpus Juris Civilis.

Соборов мы признаем как Святое Писание, – говорится в одном из законов, – а правила их соблюдаем как законы государственные»[1].

Канон объявлялся законом, но при этом появлялась возможность своеобразной замены канона законом. Государство, объявившее себя христианским, вольно или невольно, но фактически пыталось поставить Церковь на то место, которое в Римском государстве занимала римская государственная (языческая) религия. Дело в том, что, делаясь законом, канон терял свою обособленность, а всевластный император, комментируя канон, ставший законом, через это мог возносить себя над каноном. Император-христианин получил возможность по-своему (в государственных интересах) раскрывать содержание канона. Правление Юстиниана дает немало тому подтверждений. Его регламентации подверглись правила избрания, поведения и взаимоотношений епископов, клириков, монахов, наказание клириков, церковное имущество. Епископы получили обширные полномочия по государственным (т.е. гражданским) делам, точнее, им вменили многочисленные государственные обязанности.

Правление Юстиниана – это время, в которое были созданы те правовые основы взаимоотношений Церкви и государства, которые впоследствии сохранялись в Византии вплоть до ее падения и которые были заимствованы в X и последующих веках Русью. В первую очередь это относится к положению «канон церковный – закон государственный». Кроме того, христианская направленность реформ Юстиниана сказалась на содержании большинства юридических норм, прежде всего регламентирующих отдельные стороны церковной жизни: церковные общины теперь наделялись правами юридического лица, а в вопросах собственности им предоставлялись разнообразные привилегии – они получили право выступать наследниками по завещаниям (ранее такими правами обладали только государство и городские общины) и т.д.

Особенностью юстиниановых реформ стало то, что в результате их государственная власть превратилась в охранителя веры. Наиболее наглядно это проявилось в установлении ограничений в правоспособности граждан империи, связанных с их вероисповеданием:

[1] Цит. по: Церковь и государство. М.,1997. С. 32.

– язычники и евреи лишались права занимать должности на государственной или общественной службе, не могли владеть рабами-христианами;
– отступники, т.е. лица, перешедшие из христианства в язычество или иудейство, лишались права составлять завещания и наследовать, а также быть свидетелями на суде;
– еретики не могли занимать никаких должностей на государственной или общественной службе; они лишались права наследовать, делать подарки и отказы (предоставлять имущественные выгоды на случай смерти без возложения ответственности за долги наследователя) они могли только в пользу православных.

Относительно некоторых сект были приняты еще более суровые меры.

Для понимания сущности взаимоотношений Церкви и государства в тот период центральной является новелла VI св. Юстинина: «Величайшие дары Божии, данные людям высшим человеколюбием, это *священство* и *царство*. Первое служит делам Божеским, второе заботится о делах человеческих. Оба происходят от одного источника и украшают человеческую жизнь. Поэтому цари более всего пекутся о благочестии духовенства, которое, со своей стороны, постоянно молится за них Богу. Когда священство беспорочно, а царство пользуется лишь законной властью, между ними будет доброе согласие и все, что есть доброго и полезного, будет даровано человечеству. Мы заботимся и о хранении православной веры, и о благоустроении священства, чем надеемся получить великие блага от Бога и соблюсти твердый порядок в государстве, а также обрести то, чего еще не достигли. Хороший конец всегда увенчивает вещи, предпринятые должным богоугодным образом. Здесь тщательно соблюдаются священные каноны, которые завещали нам славные апостолы, досточтимые свидетели и служители Божии, и которые сохранили и разъяснили святые отцы»[1].

[1] Перевод прот. Г. Флоровского. Другой перевод VI новеллы: «Величайшие блага, дарованные людям высшею благостью Божией, суть священство и царство, из которых первое (священство, церковная власть) заботится о божественных делах, а второе (царство, государственная власть) руководит и заботится о человеческих делах, а оба, исходя из одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни. Поэтому ничто не лежит так на сердце царей, как честь священнослужителей, которые со своей стороны служат им, молясь непрестанно за них Богу. И если священство будет во всем благоустроено и угодно Богу, а государственная власть будет по правде управлять вверенным ей государством, то будет полное согласие между ними во всем, что служит на пользу и благо человеческого рода. Потому мы прилагаем величайшее старание к

Юстиниан говорил не о государстве и Церкви, а о двух служениях или двух представительствах, установленных в христианском содружестве. Они были равно утверждены Божьей властью, утверждены с единой конечной целью. Как «дар Божий», царство (*imperium*) независимо от священства (*sacerdotium*). Но оно зависимо, подчинено к той Божественной цели, ради которой создавалось. Эта цель – верное хранение христианской истины, содействие ей. Хотя империя как таковая не подчинялась Иерархии, она все же подчинялась Церкви, которая была установлена Богом для хранения Его истины. Другими словами, *царство было «законно» только внутри Церкви*. Во всяком случае, оно было строго подчинено вере Христовой, определялось наставлениями апостолов и отцов и в этом смысле ограничивалось ими[1].

Идеал «симфонии» в исторической реальности оказался недостижим: история Византии VI – XV вв. свидетельствует о том со всей наглядностью. Все последующие юридические сборники Константинополя всегда стремились оставаться на юстиниановой платформе, в то же время каждый император мог внести собственное видение проблемы церковно-государственных взаимоотношений, к чему также располагало законодательство Юстиниана.

охранению истинных догматов Божиих и чести священства, надеясь получить чрез это великие блага от Бога и крепко держать те, которые имеем» (см.: Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского: В 2 т. М.,1994. Т.1. С. 668).

Святейший Патриарх Никон данную норму Юстиниана также излагает в своем знаменитом «Возражении или Разорении…»: «… царя Иустиниана главизна 1-я, сице глаголюща: Великая паче инех иже в человецех есть дара Божия. От вышняго дарована человеколюбия Божия, священничество же и царьство, ово убо Божественым служа, се же человеческими владея и пекийся. От единаго же и тогожде начала обоя происходят, человеческое украшающе житие. Якоже ничто же тако бывает поспешнее царьству сего ради, якоже святительская честь, о обоих самех тех присно Богови молятся. Аще бо они непорочни будут во всем и к Богу имут дерзновение и праведной подобно украшати начнут (л. 281об.) преданыя им грады и сущая под ними, будет согласие некое благо все, еже добро человечестей даруя жизни. Сему быти веруем, аще священных правил блюдение сохранится. Их же праведно похваляемии и покланяемии самовидцы Божию слову предаша апостоли и святии отцы сохраниша и заповедаша» (см.: *Никон, Патриарх.* Возражение или Разорение смиренаго Никона, Божиею милостию Патриарха, противо вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисее Ликаридиусу, и на ответы Паисеовы // *Патриарх Никон*. Труды / Научн. исследование, подготовка документов к изд., сост. и общ. ред. В.В. Шмидта. М., 2004. С. 281 [Разорение 23-му вопросу и ответу]).

[1] См.: *Флоровсикй Г., протоиерей.* Догмат и история. М., 1998. С. 268; *Зызыкин М.В.* Царская власть в России. М., 2004.

Многократно в этот период в Римской империи возникал соблазн *цезарепапизма*. По мнению прот. Г. Флоровского, это *соблазн государства, а не Церкви:* «Вопиющие злоупотребления византийских кесарей игнорировать нельзя. Но, с другой стороны, нельзя не заметить того, что императоры никогда не добивались успеха, пытаясь идти против веры Церкви. Византийская Церковь был достаточно сильна, чтобы противиться давлению Империи. Императорам не удалось навязать Церкви ни компромисс с арианами, ни поспешное примирение с монофизитами, ни иконоборчество, ни (в более позднее время) нелепое «воссоединение» с Римом»[1].

Вопросом, который стал и богословской проблемой, были формы происхождения государственной власти. Раскрытая выше библейская традиция исторической опосредованности ее и античная, говорящая об империи как Божественном установлении, требовали согласования.

Еще в IV в. попытку согласовать две традиции понимания природы государственной власти осуществил первый историк Церкви Евсевий Памфил, епископ Кессарийский. В некоторых своих трудах («Жизнь Константина», «Похвала Константину» и первая книга «Церковной истории») он предложил вполне законченный образ, который впоследствии и лег в основу реально существующей в Византии модели имперской власти. В основе этого образа – представление о космической гармонии, составной частью которой является совершенное государство. Империя для Евсевия наравне с Церковью есть богоданный институт, призванный избавить человечество от дурной множественности образов правления и междоусобных войн. Поэтому государство, как и Церковь, может быть только одно. Момент, когда идеальное мировое государство, Римская империя, встречается с христианской Церковью, есть для Евсевия момент воцарения подлинной гармонии, своеобразная кульминация земной истории. Отныне все цивилизованное человечество (а в перспективе и варвары) может наслаждаться миром и спокойствием в ограде *Pax Romana*, которая теперь совпадает с оградой церковной. Две сферы, духовная и телесная, соединяются в единое целое; два града – небесный и земной – образуют

[1] *Флоровсикй Г., протоиерей.* Догмат и история. С. 271. Здесь нужно заметить, что такому же, если не большему давлению со стороны государства подверглась и Русская Церковь во время Святейшего Патриарха Никона, который отстаивал ее независимость от светской власти своим удалением от патриаршества, «давая место цареву гневу».

неразрывное единство. Земная история в каком-то смысле замирает на высшей точке своего развития, достигает промежуточного финала, отныне остается только ждать Второго пришествия как финала окончательного.

Однако при всей проработанности концепции Евсевия нельзя сказать, что она безоговорочно была принята Церковью. Церковь строго различала природу двух властей – светской и духовной – и не могла свести их воедино. Г. Флоровский пишет: «В византийской системе император занимал высокое и славное положение. Его окружал ореол теократического величия. Дворцовый церемониал был пышен и тщательно разработан. Он имел религиозный характер – это своего рода ритуал, чуть ли не «императорская литургия». И все же *император не более чем мирянин*»[1]**.** У него было определенное место в Церкви, очень видное и высокое, но место мирянина[2]. В Церкви как бы существовало одно особое служение, оставленное для мирянина. Императоры не принадлежали к официальной церковной иерархии, никоим образом не были «служителями Слова и таинств». В их миссии можно увидеть нечто «священническое» и, конечно, это не раз подчеркивалось. Но имелось в виду весьма специфическое «царственное священство», отличаемое от священства церковного, которое даровано духовенству.

Христианские императоры Византии были прямыми преемниками языческих римских принцепсов, которые среди многих своих титулов имели и такой: *Pontifex maximus* (Верховный первосвященник). Эта традиция, конечно, в ослабленной форме, но время от времени проявлялась и в действиях некоторых христианских императоров. Наиболее откровенно и угрожающе для Церкви цезарепаписткая тенденция находила выражение в политике императоров-еретиков, особенно в иконоборческую эпоху.

Талантливые императоры-военачальники исаврийцы, жестокие гонители православия иконоборцы вошли в историю как составители крупнейшего после Юстиниана юридического свода – «Эклоги», действовавшего в VIII – IX вв. и представлявшего, несмотря на декларированное единство с корпусом Юстиниана, серьезный отход от него.

---

[1] Там же. С. 269.

[2] В этом смысле поучительно выглядят «Духовные наставления христианину (царю)», написанные Святейшим Патриархом Никоном Царю Алексею Михайловичу. См.: *Патриарх Никон*. Труды. С. 181–195.

Вмешательство императоров Льва III (717 – 741) и Константина V (741 – 775) в церковную жизнь, выразившееся в преследовании иконопочитателей, было целенаправленной и продуманной политикой утверждения примата имперской власти над патриаршей[1].

Золотым веком Византийской государственности стало время правления императоров Македонской династии (867 – 1056), замечательное тем, что ни один из членов этого рода не потерял власти в результате переворота или мятежа. Юридическими памятниками этой поры стали «Василики» [по имени основателя династии Императора Василия I (867 – 886)] и более компактная «Эпанагога» [«Возведение», авторское название «Исагога» («Введение»), 886 г.], стремившиеся заменить «Латинский Юстинианов корпус» греческим сводом законов.

Именно «Эпанагога» содержит классическую форму взаимоотношений между государством и церковной властью: «Мирская власть и священство относятся между собою, как тело и душа, необходимы для государственного устройства точно также, как тело и душа в живом человеке. В связи и согласии их состоит благоденствие государства». Ту же мысль находим и в актах VII Вселенского Собора: «Священник есть освящение и укрепление императорской власти, а императорская власть посредством справедливых законов управляет земным».

В «Эпанагоге» мы находим развернутое учение о правах и обязанностях «двух глав» – Императора и Патриарха, которые являются не представителями различных властей (государства и Церкви), но двумя главами единого государственно-церковного организма. Лишь обе главы вместе знаменуют собой полноту земной верховной власти в Византийской империи. Верховным же Законодателем, Судией и Правителем церковно-государственного организма является сам Господь Иисус Христос.

В «Эпанагоге» последовательно давались общее определение власти Императора и Патриарха, формулировались их основные задачи, цели деятельности, назывались необходимые свойства и личностные качества.

---

[1] Исаврийцы известны своим стремлением стать во главе церковной иерархии. Они прямо не ставили государство над Церковью, но действовали так, как будто император является епископом. Слова Льва III: «Воля моя – канон» раскрываются в его письме папе Григорию II: «Познай, о папа, что я царь и священник в одном лице» (см.: Церковь и государство. С. 36).

В 1-й главе II титула «О Василевсе» говорилось, что Император – это «правовая власть, общее благо для всех подданных. Царь не подвергает кого-либо наказанию по антипатии к нему и не делает добра по пристрастию, но дает награды беспристрастно, подобно судиям в борьбе».

Согласно 2-й главе, «… задача Императора – охрана и обеспечение существующих сил (народных) добрым управлением, восстановление поврежденных сил бдительною заботою, приобретение новых сил мудростью и справедливыми путями и действиями».

3-я глава: «… цель Императора – благодетельствовать, почему он и называется благодетелем. И когда он отложит благодетельствование, кажется, что он извратит смысл понятия царя сравнительно с древними учениями».

4-я глава: «… Император должен защищать и подкреплять, во-первых, все написанное в Божественном Писании, потом также все догматы, установленные семью Святыми Соборами, а также избранные римские законы».

5-я глава: «… Император должен быть отличнейшим в Православии и благочестии и прославленным в божественном усердии, сведущим в догматах о Святой Троице и в определениях о спасении через воплощение Господа нашего Иисуса Христа».

Титул III «О Патриархе» открывался следующим определением:

«Патриарх есть живой и одушевленный образ (икона) Христа, словом и делом свидетельствующий истину» (1-я глава).

2-я глава гласит: «… задача Патриарха, во-первых, та, чтобы тех людей, которых он принял от Бога, охранять в благочестии и чистоте жизни, а потому он должен всех еретиков по возможности обращать к Православию и единству Церкви, а еще приводить к принятию истинной веры неверных, поражая их блеском и славностью и чудом своего служения».

3-я глава: «… цель Патриарха – спасение вверенных ему душ; патриарх должен жить о Христе и распяться для мира».

4-я глава: «… Патриарху особенно свойственно быть учительным и равно относиться без ограничений к высоким и низким, и мягким быть в правосудии, искусным на обличение неверных, а о правде и защите догматов говорить перед лицом императора и не смущаться».

5-я глава: «… Патриарх один только должен толковать правила древних (Патриархов) и определения Святых отцов и положения святых Синодов».

6-я глава: «… содеянное и устроенное древними Отцами в соборах и епархиях, особенно и соборне, Патриарх должен лечить, пользовать и очищать».

8-я глава: «… государство составляется из частей и членов подобно отдельному человеку. Величайшие и необходимейшие части – Император и Патриарх. Поэтому единомыслие во всем и согласие царства и священства (составляет) душевный и телесный мир и благоденствие подданных»[1].

Учение о «симфонии» властей имело колоссальное значение для истории развития церковно-государственных отношений во всем христианском мире. В ярчайшей степени оно было определяющим и для Древней Руси. Церковно-государственные взгляды преп. Иосифа Волоцкого, старца Филофея, Иоанна Грозного, Андрея Курбского были бы невозможны без оплодотворяющего влияния византийского учения.

Проблема взаимоотношений Церкви и государства остро стояла и в Синодальную эпоху, в особенной полноте проявившись во время Поместного собора 1917-1918 гг., на котором действовал отдел, посвященный этому вопросу, и было принято специальное определение. Предваряющая его декларация, составленная по поручению Собора проф. С.Н. Булгаковым, гласила, что принцип отделения Церкви от государства «должен быть соединен с принципом их «симфонического соработничества». Требование абсолютного отделения Церкви от государства сравнимо с пожеланием, чтобы «солнце не светило, а огонь не согревал. Церковь по внутреннему закону своего бытия не может отказаться от призвания просветлять, преображать всю жизнь человечества, пронизывать ее своими лучами».

Церковь не связывает себя с определенной формой правления: «Ныне, когда волею Провидения рушится в России царское самодержавие, а на замену его идут новые государственные формы, Православная Церковь не

[1] Цит. по: *Вернадский Г.В.* Византийские учения о власти царя и патриарха: Сборник статей, посвященных памяти Н.А. Кондакова. Прага, 1926. С. 150–152. Те же мысли выражает в своем «Возражении или Разорении…», обращенном к Царю Алексею Михайловичу, Патриарх Никон. См.: Возражение 11 вопроса и ответа // *Патриарх Никон.* Труды. С. 228, а также: *Шмидт В.В.* Святоотеческие основы богословских воззрений Патриарха Никона // Там же. С. 929.

имеет определения об этих формах со стороны их политической целесообразности, но она неизменно стоит на таком понимании власти, по которому всякая власть должна быть христианским служением»[1].

Проблема сотрудничества Церкви и государства занимает значительное место и в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», принятых на Юбилейном Архиерейском соборе 2000 г., где областями соработничества Церкви и государства в настоящий исторический период названы:

«… а) миротворчество на международном, межэтническом и гражданском уровнях, содействие взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами и государствами;

б) забота о сохранении нравственности в обществе;

в) духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание;

г) дела милосердия и благотворительности, развитие совместных социальных программ;

д) охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия, включая заботу об охране памятников истории и культуры;

е) диалог с органами государственной власти любых ветвей и уровней по вопросам, значимым для Церкви и общества, в том числе в связи с выработкой соответствующих законов, подзаконных актов, распоряжений и решений;

ж) попечение о воинах и сотрудниках правоохранительных учреждений, их духовно-нравственное воспитание;

з) труды по профилактике правонарушений, попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы;

и) наука, включая гуманитарные исследования;

к) здравоохранение;

л) культура и творческая деятельность;

м) работа церковных и светских средств массовой информации;

и) деятельность по сохранению окружающей среды;

---

[1] Деяния Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т.3. М., 1995. С. 95, 96.

о) экономическая деятельность на пользу Церкви, государства и общества;
п) поддержка института семьи, материнства и детства;
р) противодействие деятельности псевдорелигиозных структур, представляющих опасность для личности и общества.

В то же время существуют области, в которых священнослужители и канонические церковные структуры не могут оказывать помощь государству, сотрудничать с ним. Это:
а) политическая борьба, предвыборная агитация, кампании в поддержку тех или иных политических партий, общественных и политических лидеров;
б) ведение гражданской войны или агрессивной внешней войны;
в) непосредственное участие в разведывательной и любой иной деятельности, требующей в соответствии с государственным законом сохранения тайны даже на исповеди и при докладе церковному священноначалию»[1].

© Д.Ю.Лескин

ВЛАСТЬ, НАРОД, ЦЕРКОВЬ: ПРЕОДОЛЕНИЕ СРЕДОСТЕНИЯ

(имущественное и земельное право – проблема имуществ)

История вопроса

Вопрос о «симфонии» властей, о взаимоотношениях Церкви и государства, в том числе имущественных, был актуален во все периоды русской истории. Государство то щедро жертвовало в пользу Церкви имущество и землю, позволяя то же совершать и благотворителям, то возвращало все это себе. Последний процесс получил специальное название – «секуляризация».

До XVII в. русские Великие Князья и Цари обеспечивали «симфонию», или согласие, властей по византийской модели православие признавалось государственной религией и активно поддерживалось государственной властью. Однако в царствование Алексея Михайловича (1645–1676) ситуация стала меняться. Против нарушения «симфонии», «как необъятного зла для русского государства, вступил в борьбу Святейший Патриарх Никон,

[1] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000. С. 19–20.